

М.М. Ковалевский

**Экономический рост Европы
до возникновения
капиталистического
хозяйства**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
М11

М.М. Ковалевский
М11 Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства: Том 1 / М.М. Ковалевский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 748 с.

ISBN 978-5-518-06646-5

Максим Максимович КОВАЛЕВСКИЙ (1851-1916) - русский социолог, историк. В своей фундаментальной трехтомной работе "Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства" он разрабатывал идею об обусловленности экономического развития социальными факторами.

ISBN 978-5-518-06646-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая работа не выходитъ изъ области тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящена была моя преподавательская и литературная дѣятельность за послѣднія 25 лѣтъ. Написавъ исторію «Происхожденія современной демократіи», естественно было задаться вопросомъ о подготовившемъ его въ прошломъ экономическомъ и политическомъ ростѣ европейской гражданственности. Первой половинѣ этой задачи посвящено издаваемое сочиненіе; оно возникло изъ лекцій, читанныхъ въ разное время въ Москвѣ и за границей и совершенно переработанныхъ, а также изъ монографическихъ изслѣдованій, основанныхъ частью на архивномъ матерьялѣ. Богатая нѣмецкая и англійская литература по экономической исторіи среднихъ вѣковъ позволила нерѣдко черпать готовое. Въ сочиненіи не разъ цитируются имена Гансена, Мейцена, Лампрехта, Шмоллера, Инама Штерна и другихъ творцовъ экономической исторіи Германіи, труды которыхъ нисколько не исчерпываются сдѣланными у нихъ заимствованіями. Авторъ ставилъ себѣ болѣе общія задачи, чѣмъ тѣ, какія затрогиваются существующей литературой, и въ тоже время ограничивалъ больше Мейцена, напримѣръ, районъ своего изслѣдованія. Европейская гражданственность создана, какъ извѣстно, взаимодействіемъ германскаго и романскаго элементовъ; она представляетъ въ прошломъ господство феодально-коммунальных порядковъ, помѣстного и цеховаго хозяйства. Все, что выходитъ за эти предѣлы, искусственно обойдено, въ виду его второстепеннаго значенія и невозможности объять въ одномъ трудѣ всѣ особенности финскихъ, кельтическихъ, славянскихъ и нерѣдко арабскихъ поселеній и землепользованій, родового и клановаго быта, на ряду съ феодальнымъ. Показавъ такимъ образомъ, чего читатель не въ правѣ искать въ издаваемомъ трудѣ, авторъ желалъ бы также предупредить его относительно необходимости

повѣрять представленныя имъ общіе выводы на монографическихъ изслѣдованіяхъ по частнымъ вопросамъ. Быстрый ростъ историко-экономической литературы за послѣднее время не оставляетъ въ немъ сомнѣнія, что его работа вскорѣ будетъ превзойдена, и тѣмъ быстрее послѣдуетъ эта неизбежная устарѣлость сочиненія, слишкомъ общаго, чтобы не заключать въ себѣ фактическихъ недочетовъ и погрѣшностей, тѣмъ сильнѣе будетъ его увѣренность, что книга сдѣлала свое дѣло.

Максимъ Ковалевскій.

29 марта 97 года.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Общій взглядъ на экономическій ростъ Европы въ эпоху, предшествующую капиталистическому хозяйству, и на соответствующія экономическія ученія.

§ 1.

Формы народнаго хозяйства не слѣдуютъ другъ за другомъ въ произвольномъ порядкѣ, но подчинены извѣстному закону преемства. Важнѣйшимъ факторомъ ихъ эволюціи является въ каждый данный моментъ и въ каждой данной странѣ ростъ населенія, большая или меньшая его густота, а во всѣхъ вмѣстѣ обусловленная тѣмъ-же ростомъ большая или меньшая зависимость отдѣльных національных хозяйствъ въ дѣлѣ производства и потребленія другъ отъ друга. Эта теорія противорѣчитъ защищаемому итальянцемъ Лоріа ¹⁾ ученію, что большее или меньшее протяженіе свободныхъ для занятія земель обусловливаетъ чередованіе хозяйствъ рабскаго, крѣпостническаго и вольно-наемнаго. Въ дѣйствительности никогда не существовало, какъ мы покажемъ это ниже, такихъ свободныхъ для занятія земель, такъ какъ пустоши признавались издавна собственностью племенъ и родовъ, сельскихъ общинъ и замѣнившихъ ихъ современнымъ помѣстій, откуда между прочимъ возникло и запрещеніе допускать чужеродцевъ къ поселенію иначе, какъ подъ условіемъ усыновленія ихъ племенемъ или родомъ, запрещеніе занимать земли въ предѣлахъ общины безъ согласія всѣхъ и каждаго изъ ея членовъ, «состѣдей» или «вициновъ», а также правило, въ силу котораго никѣмъ не занятые участки признавались принадлежащими феодальному собственнику.

¹⁾ Genesi della proprietà capitalista.

Если Лоріа говоритъ о свободной землѣ въ средніе вѣка, то онъ дѣлаетъ это только потому, что злоупотребляетъ аналогіей средневѣковыхъ хозяйственныхъ порядковъ съ тѣми, какіе созданы были колонистами Новаго Свѣта; да и сами эти колонисты потому только имѣли дѣло со свободными землями, что отрицали за туземцами тѣ права племенного, родового, общиннаго и частнаго владѣнія, какія нашедшіе на Римскую Имперію варвары признали за римскимъ населеніемъ. Послѣ работъ Вайца и Фюстель-де-Куланжа трудно говорить о существованіи и въ моментъ нашествія варваровъ свободной для занятія земли. Даже тамъ, гдѣ какъ въ мусульманскомъ мірѣ, собственность не находила еще полного признанія, пустопорожнія земли считались принадлежащими главѣ правовѣрныхъ (имаму). Отголоски этого воззрѣнія можно открыть даже въ такихъ христіанскихъ государствахъ, какъ древняя Московія, въ которой Антоній Поссевинъ въ XV-омъ вѣкѣ находилъ еще господствующимъ ученіе о принадлежности всей земли царю, быть можетъ, какъ преемнику татарскихъ хановъ.

Не большее или меньшее обиліе пустопорожнихъ земель обуславливаетъ смѣну формъ народнаго хозяйства, а большая или меньшая густота населенія, отъ которой зависитъ прежде всего выборъ формъ производства, а затѣмъ зависятъ размѣры и порядки фактическаго владѣнія землей и самый характеръ общественныхъ отношеній.

Еще Либихомъ высчитано приблизительно, какое пространство земли необходимо для удовлетворенія потребностей охотничьей семьи. При возрастающей густотѣ населенія эта пропорція нарушается и нѣтъ возможности обойтись безъ перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, какъ-то—къ приуроченію извѣстныхъ животныхъ къ потребностямъ человека (скотоводство, птицеводство, пчеловодство), разведенію питательныхъ растений (земледѣліе, винодѣліе, садоводство) и т. д. Формою же производства обуславливаются и порядокъ владѣнія, и отношенія свободы и зависимости отдѣльныхъ группъ и индивидовъ.

Сравнительная этнографія открыла намъ тотъ фактъ, что охота на большого звѣря, какъ сухопутнаго, такъ и рѣчнаго или морского, производится у отсталыхъ народностей не въ одиночку, а цѣлыми бандами. Такъ какъ мясо подлежитъ порчѣ, то неудивительно, если и въ потребленіи охотничьихъ народовъ долгое время держится комунитическій принципъ. Обыкновенно только кости (рога, клыки), кожа или сало становятся предметомъ индивидуальнаго присвоенія.

Въ условіяхъ охотничьяго и рыболовнаго промысла нѣтъ также

данныхъ для развитія сословнаго неравенства, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока увеличивающаяся густота населенія не заставляетъ охотничье племя послѣднѣе на территорію сосѣда и обезпечить себѣ господство надъ послѣдней истребленіемъ или закабаленіемъ ея жителей. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ ростъ населенія является главнымъ факторомъ измѣненій въ сферѣ народнаго хозяйства и построенныхъ на немъ общественныхъ отношеній. Въ противность Лоріа, мы скажемъ поэтому, что первичные промыслы, устраняя всякую мысль объ индивидуальномъ присвоеніи почвы, не требуютъ также личной зависимости человѣка отъ человѣка,—а это значитъ, что начальные формы производства и потребления прѣикнуты характеромъ коммунизма и свободы. Вотъ чѣмъ объясняется, между прочимъ, и то, что охота на крупнаго звѣря производится обыкновенно не цѣлыми племенами или родами, а свободными товариществами, возникающими и расторгающимися по взаимному согласію. Наглядную иллюстрацію этого представляетъ бытъ эскимосовъ Гренландіи и инородцевъ сѣверо-восточной Сибири.

Переходъ къ скотоводству, вызванный невозможностью удовлетворить потребностямъ разросшагося населенія одной охотой и рыболовствомъ, предполагаетъ уже нѣкоторую перемѣну какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи, а потому и въ формахъ фактческаго владѣнія и характерѣ общественныхъ отношеній. Если охотникамъ необходимо извѣстное пространство для осуществленія ихъ промысла, то для пастуховъ важно, чтобы въ предѣлахъ отведенной для стадъ территоріи устранено было всякое вторженіе постороннихъ элементовъ. Охотники дѣйствуютъ свободно на протяженіи большихъ пространствъ, перемѣщаясь вслѣдъ за гонимымъ ими звѣремъ. Скотоводы не выходятъ изъ предѣловъ извѣстнаго ограниченного района и не впускаютъ никого въ этотъ районъ. Сами эти предѣлы несравненно уже тѣхъ, какіе необходимы охотничьему племени, почему малѣйшее возрастаніе живущаго скотоводствомъ народа сопровождается необходимостью найти новыя пастбища для умножившагося скота. Эти пастбища могутъ быть пріобрѣтены силою, путемъ войны и порабоженія сосѣднихъ охотничьихъ или пастушескихъ племенъ; но тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ и мирнымъ порядкомъ, сдачею скота на прокормъ сосѣднимъ, болѣе богатымъ пастбищами семьямъ-родамъ, нерѣдко цѣлымъ племенамъ. Примѣры мы находимъ еще въ наши дни на Кавказѣ, гдѣ горные Тушинцы посылаютъ свой скотъ къ жителямъ сосѣднихъ низменностей, и Балкарцы принимаютъ на содержаніе стада сосѣднихъ Кабардинцевъ. Не менѣе

рѣзкіе примѣры представляютъ намъ древняя Ирландія, гдѣ по всей вѣроятности разноплеменные съ кельтическими кланами «фуйдъ-гирь» брали на свое попеченіе скотъ такъ называемыхъ «боайрѣ», т. е. владѣющихъ стадами чистокровныхъ. При такихъ порядкахъ могутъ возникнуть отношенія не столько рабства и господства, сколько кліентства и патроната. Въ такія отношенія могутъ вступать не только частныя лица, въ родѣ Іакова, зарабатывающаго себѣ часть стадъ и женъ службою у Лавана, но и цѣлыя племена, соглашающіяся въ обмѣнъ на защиту взять на прокормъ скотъ сильныхъ сосѣдей. Въ этомъ фактѣ надо видѣть источникъ происхожденія тѣхъ своеобразныхъ и регулируемыхъ однимъ обычаемъ договоровъ, по которымъ услуги снявшаго скотъ на прокормъ оплачиваются продуктами стадъ и извѣстной частью приплода, нерѣдко подъ условіемъ, чтобы съемщикъ поступилъ въ личную зависимость отъ собственника стада.

Филологи, производя терминъ феодръ отъ слова *Ve* (*Vieh*—скотъ), указываютъ на связь, въ какой первоначальное происхожденіе феодальнаго верховенства стоитъ со владѣніемъ стадами. Въ свою очередь, высокое общественное положеніе ирландскихъ боайрѣ или владѣльцевъ коровъ и зависимость отъ нихъ фуйдъ-гировъ показываютъ, что и въ кельтическомъ мірѣ скотовладѣльцы имѣли извѣстныя права патроната по отношенію къ лицамъ и племенамъ, получавшимъ отъ нихъ эту ссуду живаго капитала изъ-за его прироста.

Извѣстно, что земледѣліе является на первыхъ порахъ простымъ суррогатомъ къ скотоводству и охотничеству. Оно носитъ этотъ характеръ не только у германскаго племени Свевовъ, среди которыхъ, по описанію Цезаря, только часть населенія попеременно, изъ года въ годъ, озабочена была сборомъ болѣе или менѣе дико растущихъ злаковъ, но и у автохтоновъ Америки, среди которыхъ первые европейскіе колонисты также открыли зародыши сельскаго хозяйства, только въ качествѣ дополненія къ первичнымъ промысламъ. Ростъ населенія и на этотъ разъ обусловилъ собою сперва появленіе такого сурогата, а затѣмъ все большее и большее расширеніе земледѣльческой дѣятельности въ ущербъ скотоводству и первичнымъ промысламъ.

Торжество земледѣлія означало одновременно и переходъ къ совершенно новымъ порядкамъ потребленія, и наступленіе неизвѣстной дотолѣ системы общественныхъ отношеній. Этотъ переворотъ совер-

шился разумѣется не сразу; переживанія старинныхъ формъ производства еще многочисленны въ древнѣйшую эпоху земледѣльческихъ порядковъ. Стоитъ припомнить, хотя бы, существованіе той наиболѣе экстензивной системы хозяйства, какой является подсѣчное, еще удержавшееся на нашемъ сѣверѣ, въ Сибири и въ казацкихъ степяхъ, а нѣкогда распространенное по всей Московіи; при немъ крестьянинъ землепашецъ, по примѣру своего предка-охотника, не знаетъ другихъ границъ своему фактическому владѣнію, кромѣ тѣхъ, какія кладетъ его топоръ и соха, съ тою, однако, оговоркой, что захватная система пользованія не должна выходить за предѣлы общины-волости, которой данный владѣлецъ состоитъ членомъ.

При окончательномъ водвореніи земледѣльческихъ порядковъ, производство и потребление все болѣе и болѣе теряютъ тотъ характеръ коммунизма и свободы, какой отличалъ ихъ въ эпоху первичныхъ промысловъ и только что зарождающагося скотоводства. Земледѣліе предполагаетъ болѣе постоянную связь производителя съ почвою, чѣмъ та, какой требуетъ охота и даже скотоводство. Переходы съ мѣста на мѣсто возможны, правда, на первыхъ порахъ, и въ земледѣльческую эпоху опять-таки подъ вліяніемъ недостаточной густоты населенія; доказательства мы находимъ и въ быту древнихъ германцевъ, которые, по словамъ Тацита, *arva per annos mutant*, и въ быту первоначальныхъ поселенцевъ нашихъ степей съ характеризующимъ ихъ переложнымъ хозяйствомъ.

Но съ возрастаніемъ числа жителей той или другой мѣстности, займки изъ годовыхъ становятся все болѣе и болѣе продолжительными. Когда же подъ вліяніемъ все той же причины—прогрессивнаго роста населенія, устанавливается впервые двухпольная система, въ свою очередь, уступающая мѣсто при большей густотѣ, сперва трехполью, а затѣмъ многополью,—связь пахаря съ почвою становится постоянной. Это значитъ, что одна и таже земля требуетъ отнынѣ непрекращающихся заботъ его по воздѣлыванію. Одно уже это обстоятельство порождаетъ, если не частную собственность, то по крайней мѣрѣ частное владѣніе при общинной собственности, родовой или мірской.

Общинное присвоеніе, устраняющее мысль о свободной займкѣ земли первымъ встрѣчнымъ, другими словами, не допускающее существованія такъ называемаго *jus primæ occupantis*, ни мало не противится, однако, тому, чтобы фактическая утилизація полей производилась чужеродцами и иноплемениками, попавшими въ зависимое отношеніе благодаря насилію или свободному контракту. Цѣлью

войнѣ съ этого момента является не одно расширеніе района охотничьихъ угодій и пастушескихъ выпасовъ, но и приобрѣтеніе того живого орудія производства, какимъ является человекъ. Неудивительно поэтому, если истребленіе плѣнныхъ замѣняется тою формою земельной кабалы, какую представляютъ такъ называемые *servi rustici*, т. е. поселенные въ предѣлахъ рода-общины и приуроченные къ уходу за полями рабы. Мы находимъ ихъ и въ древнемъ Римѣ, и у галловъ Юлія Цезаря, и у Германцевъ Тацита. Ихъ присутствіе, засвидѣтельствованное извѣстнымъ текстомъ римскаго анналиста, ни мало не устраняетъ возможности одновременнаго существованія общинной собственности родовъ и сельскихъ союзовъ, — точно также, какъ произведенное Джатами и Раджпутами поселеніе, на правахъ простыхъ воздѣлывателей, членовъ покоренныхъ ими племенъ съверо западной Индіи и Пенджаба ни мало не мѣшаетъ сохраненію побѣдителями нераздѣльнаго общиннаго владѣнія сельской территоріей.

И помимо войны, необходимость въ землѣ и наипростейшихъ брудіяхъ производства, какихъ требуетъ ея утилизція, заставляла безземельныхъ отщепенцевъ чужихъ родовъ (абрековъ, изгоевъ, *vargi* и т. п.) обмѣнивать свою личную свободу и независимость на экономическую обезпеченность въ неволѣ. Отсюда источникъ тѣхъ добровольныхъ закабаленій, примѣры которыхъ представляетъ исторія Рима, Галіи, древней Германіи и Ирландіи, не говоря уже о нашемъ отечествѣ, въ которомъ они представлены, между прочимъ, «ролевыми закупами» Русской Правды.

§ 2.

Вся эта хозяйственная эволюція, потребовавшая тысячелѣтій для своего завершения, предшествовала зарожденію философской мысли, понимаемой въ смыслъ всякаго вообще отвлеченія. Древнѣйшіе хозяйственные трактаты, не исключая и простыхъ разсужденій о домостроительствѣ, образецъ которыхъ представляетъ намъ извѣстное сочиненіе Ксенофонта, появились уже въ эпоху окончательнаго торжества земледѣлія надъ первичными промыслами и скотоводствомъ. Неудивительно поэтому, если на исторіи экономическихъ ученій могла отразиться только послѣдующая смѣна формъ народнаго хозяйства, и если древнѣйшія произведенія мысли въ этой области являются уже систематизаціей быта земледѣльческаго народа, тѣмъ только отличающагося отъ позднѣйшихъ типовъ сельскохозяйствен-

ныхъ производителей, что интересы торговаго обмѣна отодвинуты у него на задній планъ, и надо всеѣмъ господствуетъ забота о домашнемъ потребленіи. Это та стадія экономическаго развитія, на которой стояли народы Греціи, въ особенности—внутреннихъ ея областей, въ эпоху троянской войны и, въ слабѣйшей степени, наканунѣ войнъ персидскихъ. Это та стадія, которая пройдена была римлянами въ эпоху царей и въ первыя времена республики или германцами до ихъ поселенія въ предѣлахъ Римской Имперіи; она держалась долгое время, почти до XVIII-го вѣка, среди клановъ сѣверной Шотландіи, сохранившихъ, вмѣстѣ со своей автономіей, и большую или меньшую оторванность отъ прочаго міра. Ирландцы также удержали ее до момента ихъ насильственнаго сближенія съ англійской культурой, предпринятаго Елизаветою и Кромвелемъ. Она ожила снова и въ феодальномъ обществѣ, въ моментъ рѣшительнаго неуспѣха затѣяннаго Карломъ Великимъ возрожденія Римской Имперіи, и держалась, наконецъ, въ Московіи до тѣхъ поръ, пока открытія Англичанъ и враждебныя столкновенія съ Литвою и Польшею не создали благоприятныхъ условій для сбыта русскаго сырья за-границу. Въ глухихъ углахъ Россіи тотъ же порядокъ самодавляющаго хозяйства, на правахъ переживанія, уцѣлѣлъ и много вѣковъ спустя, поддерживаемый даровымъ трудомъ крѣпостныхъ и отсутствіемъ удобныхъ средствъ сообщенія.

На этой ступени народнаго хозяйства мѣновая цѣнность еще не отличается отъ цѣнности потребительной и ростъ капиталовъ задерживается сознаніемъ бесполезности накоплять легко подвергающіеся порчѣ запасы долѣе, чѣмъ до ближайшей жатвы. Кредитъ, позволяющій современнымъ хозяйствамъ производить операціи на сумму, превышающую ихъ оборотный капиталъ, совершенно не извѣстенъ, такъ что раздѣлъ продукта производится исключительно между двумя классами лицъ: земельными собственниками, являющимися въ то же время и капиталистами, и сельскими рабочими, оплачиваемыми не жалованіемъ, а землею.

Таково положеніе поселенныхъ на земляхъ римскихъ собственниковъ такъ называемыхъ *servi rustici* и колоновъ II-го и III-го вѣковъ, а также сервовъ, виллановъ или крѣпостныхъ людей на средневѣковомъ Западѣ и въ Россіи, гдѣ они въ обмѣнъ за болѣе или менѣе продолжительную барщину и натуральные платежи получаютъ наслѣдственное пользованіе надѣломъ въ земляхъ помѣстья.

Различіе рабства и крѣпостничества, съ момента приуроченія рабовъ къ сельскимъ производствамъ и надѣленія cadaqua пaемъ въ

общихъ поляхъ и мірскихъ угодьяхъ, необходимо сглаживается. Происходитъ тотъ процессъ, благодаря которому холопы древней Россіи перешли въ крѣпостныхъ людей, на ряду съ задолженными свободными обывателями — такъ называемыми «серебренниками», а римскіе колонны, смѣшавшись съ рабами и мелкими аллодіальными владѣльцами, обратившимися въ «чужихъ людей» въ силу «комендаціи», наполнили собою ряды средне-вѣковыхъ виллановъ.

Характерную особенность помѣстнаго хозяйства, — все равно, будетъ ли классъ собственниковъ представленъ членами нераздѣльной земельной общины, эксплуатирующими трудъ поселенцевъ, членовъ покореннаго племени, или частными владѣльцами, — составляетъ большая или меньшая его изолированность. Я говорю о большей или меньшей изолированности такъ какъ трудно представить себѣ такой моментъ, въ который отсутствовало бы всякое понятіе объ обмѣнѣ. Даже у народовъ охотничьихъ и пастушескихъ встрѣчаются мѣновыя сдѣлки, производимыя при соблюденіи цѣлаго ряда обрядностей, свидѣтельствующихъ о томъ, что купецъ, какъ чужеродецъ, слыветъ врагомъ и всякое сношеніе съ нимъ почитается поэтому за какой то перерывъ военныхъ дѣйствій. Но объектами мѣны являются въ это время не предметы необходимости, а предметы роскоши; производство направлено на изготовленіе цѣнностей не для обмѣна, а для мѣстнаго потребленія. Впрочемъ, и здѣсь нужна оговорка: изъ продуктовъ первой необходимости, живыя орудія производства, въ томъ числѣ — скотъ, становятся и мѣновыми цѣнностями, откуда — происхожденіе денегъ, (ресипіа отъ ресус — скотъ) и обычай варварскихъ народностей, въ томъ числѣ кавказскихъ горцевъ, древнихъ Грековъ и Ирландцевъ производить оцѣнку предметовъ числомъ быковъ, коровъ и мелкаго рогатаго скота (щитъ Гектора стоить столько то быковъ, а щитъ Главка — столько то; высшая плата за убійство у Осетинъ 18 разъ 18 коровъ и т. п.). Но если такимъ образомъ понятіе мѣновой цѣнности не отсутствуетъ вполне и въ бытѣ охотничьихъ и пастушескихъ народовъ, если объектами между-племенныхъ сдѣлокъ служатъ у нихъ украшенія, орудія и живой рабочій инвентарь, то у народовъ земледѣльческихъ продукты производства почти всецѣло идутъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей. Стоитъ вспомнить, что этими продуктами являются прежде всего хлѣбные злаки, трава, молоко и сыръ, медъ и воскъ, т. е. такіе предметы, которые обыкновенно производятся въ нужномъ количествѣ сосѣдями и не допускаютъ неограниченнаго въ срокъ сбереженія. Подобная изолированность дѣлаетъ